

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

РОБЕРТ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Человеку надо мало...
Стихотворения

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р62

Оформление серии *Н. Ярусовой*
В оформлении обложки использована фотография:
Борис Кауфман / РИА Новости

Рождественский, Роберт Иванович.

Р62   Человеку надо мало... : стихотворения / Роберт Рождественский. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

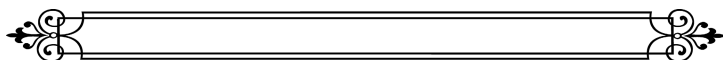
ISBN 978-5-04-198467-0

В сборник избранных стихотворений Роберта Рождественского вошли самые известные и значимые произведения знаменитого поэта-шестидесятника, одной из ведущих фигур «оттепельной» литературы. Проникновенная лирика и мощная гражданская поэзия, короткие зарисовки и поэмы — все произведения Рождественского, входящие в книгу, отличаются оригинальным стилем и языком, необычностью образной и метафорической системы. По сей день не угасает народная любовь к поэзии Рождественского, и эта книга — возможность познакомиться с творчеством одного из важнейших русских поэтов второй половины XX века.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

© Жуковская М.В., составление, 2024
© Борис Кауфман / РИА Новости
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198467-0

АВТОБИОГРАФИЯ

Автобиографии писать трудно. Особенно для книги. Потому что здесь биография всегда выглядит как подведение каких-то итогов. И всегда представляешь себе этакое умудренного опытом седовласого старца, который хочет на своем примере учить других.

Говорю заранее: то, что я пишу, — ни в коем случае не подведение итогов. И я не умудрен жизненным опытом. Даже как-то наоборот. Каждый новый день удивителен и неповторим. И самое главное, самое важное, что к этой удивительности нельзя привыкнуть.

И потом биография любого человека всегда связана с биографией страны. Связана необычно прочно. И порой бывает очень трудно выделить что-то сугубо личное, свое, неповторимое.

Автобиографию писать трудно еще и потому, что вся она (или почти вся) в стихах. Плохо ли, хорошо ли, но поэт всегда говорит в стихах о себе, о своих мыслях, о своих чувствах. Даже когда он пишет о космосе.

Итак, автобиографию писать трудно. Так что, возможно, у меня ничего и не выйдет. Но... рискну.

Я родился в 1932 году в селе Косиха Алтайского края. Это в Сибири, довольно близко от Барнаула. Мать у меня — врач, отец — военный. Мы переехали в Омск — большой город на берегу Иртыша. С этим городом связаны мои самые первые детские впечатления. Их довольно много. Но самое большое — война. Я уже кончил первый класс школы и в июне сорок первого жил в пионерском лагере под Омском.

Отец и мать ушли на фронт. Даже профессиональные военные были убеждены, что «это» скоро кончится. А что касается нас, мальчишек, так мы были просто в этом уверены. Во всяком случае, я написал тогда стихи, в которых, помню, последними словами ругал фашистов и давал самую торжественную клятву поскорее вырасти. Стихи были неожиданно напечатаны в областной газете (их туда отвез наш воспитатель). Свой первый гонорар (что-то около тринадцати рублей) я торжественно принес первого сентября в школу и отдал в фонд Обороны. (Наверное, это тоже повлияло на благоприятный исход войны). Клятву насчет вырасти было выполнить довольно сложно. Вырасталось медленно. Медленнее, чем хотелось. Война затягивалась. Да и росла она вместе с нами. Для нас, пацанов, она была в ежедневных сводках по радио, в ожидании писем с фронта, в лепешках из жмыха, в цветочных клумбах на площади, раскопанных под картошку.

А потом — уже в конце — она была еще и в детских домах, где тысячи таких, как я, ждали возвращения родителей. Мои — вернулись. Точнее — взяли меня к себе.

Были бесчисленные переезды с отцом по местам его службы. Менялись города, менялись люди вокруг, менялись школы, в которых я учился. Стихи писал все это время. Никуда не посылал. Боялся. Но тем не менее читал их на школьных вечерах к умилению преподавателей литературы. Узнал, что в Москве существует Литературный институт, мечтал о нем, выучил наизусть правила приема. После школы собрал документы, пачку стихов и отослал все это в Москву.

Отказали. Причина: «творческая несостоятельность». (Между прочим, правильно сделали. Недавно я смог посмотреть эти стихи в архивах Литинститута. Ужас! Тихий ужас!)

Решил махнуть рукой на поэзию. Поступил учиться в университет города Петрозаводска. Почти с головой

ушел в спорт. «Достукался» по первым разрядам по волейболу и баскетболу. Ездил на всяческие соревнования, полностью ощутил азарт и накал спортивной борьбы. Это мне нравилось. И казалось, что все идет прекрасно, но... Махнуть рукой на стихи не удалось.

Со второй попытки в Литературный институт я поступил. И пять лет проучился в нем. Говорят, что студенческая пора — самая счастливая пора в жизни человека. Во всяком случае, время, проведенное в институте, никогда не забудется. Не забудется дружба тех лет. Лекции, семинары. И поездки. Снова — очень много поездок. Так, например, мне посчастливилось побывать на Северном полюсе, на одной из наших дрейфующих станций.

С какими парнями я познакомился там! Без всякого преувеличения — первоклассные ребята! В основном — молодые, умные, очень веселые. Работа зимовщиков трудна и опасна, а эти — после работы вваливались в палатки и оттуда еще долго шел такой громыхающий смех, что случайные белые медведи, которые подходили к лагерю, — безусловно шарахались в сторону.

Станция состояла из девяти домиков. Стояли они на льдине, образуя улицу — четыре с одной стороны, пять — с другой. Я помню общее собрание полярников — очень бурное и длинное: на нем самой северной улице в мире давалось имя. Можете представить, что это было за собрание! Хохотали до слез, до хрипоты, до спазмов. Хохотали не переставая. Юмор проснулся даже в самых сдержанных и суровых «полярных волках».

Какой-то остряк-летчик привез из Москвы номера, которые вешаются на домах в столице. Потом авиационный штурман с помощью каких-то хитрых приборов точно определял, какая сторона улицы является четной, а какая — нечетной. Номера были торжественно прибиты к домикам, и на каждом из них мы написали название улицы: «Дрейфующий проспект». Так я и назвал

одну из своих книжек. Их у меня вышло десять, начиная с 1955 года. Я писал стихи и поэмы. Одна из поэм, «Реквием» — особенно дорога мне.

Дело в том, что на моем письменном столе давно уже лежит старая фотография. На ней изображены шесть очень молодых, красивых улыбающихся парней. Это шесть братьев моей матери. В 1941 году самому младшему из них было 18 лет, самому старшему — 29. Все они в том же самом сорок первом ушли на фронт. Шестеро. А с фронта вернулся один. Я не помню, как эти ребята выглядели в жизни. Сейчас я уже старше любого из них. Кем бы они стали? Инженерами? Моряками? Поэтами? Не знаю. Они успели только стать солдатами. И погибнуть.

Примерно такое же положение в каждой советской семье. Дело не в количестве. Потому что нет таких весов, на которых можно было бы взвесить горе матерей. Взвесить и определить — чье тяжелее.

Я писал свой «Реквием» и для этих шестерых, которые до сих пор глядят на меня с фотографии. Писал и чувствовал свой долг перед ними. И еще что-то: может быть, вину. Хотя, конечно, виноваты мы только в том, что поздно родились и не успели участвовать в войне. А значит, должны жить. Должны. За себя и за них.

Вот, собственно, и вся биография. По-прежнему пишу стихи. По-прежнему много езжу. И по нашей стране, и за рубежом.

Могут спросить: а для чего поездки? Зачем они поэту? Не лучше ли, как говорится, «ежедневно отправляться в путешествие внутри себя»? Что ж, такие «внутренние поездки» должны происходить и происходят постоянно. Но все ж таки, по-моему, их лучше совмещать с поездками во времени и пространстве.

Относительно годов, которые «к суровой прозе клонят». Пока не клонят. Что будет дальше — бог его знает. Хотя и бог не знает. Поскольку его нет.

Я женат. Жена, Алла Киреева, вместе со мной окончила литературный институт. По профессии она критик. (Так что вы можете представить, как мне достается! Вдвойне!)

Что еще? А еще очень хочу написать настоящие стихи. Главные. Те, о которых думаю все время. Я постараюсь их написать. Если не смогу, будет очень обидно.

Роберт Рождественский, 1980-е

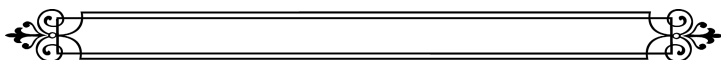

СТИХОТВОРЕНИЯ

такой же смирной,
как я...
Было дождливо и рано.
Жить сто лет
                                кукушка звала...
Но глупые карты вдали!
А за ними соседка
                                врала!
Наврала она про дорогу,
наврала она про покой...
Карты вдали!..
И слава богу,
слава людям,
                                что я не такой!
Что по жилам бунтует сила,
недовольство собой храня!
Слава жизни!
Большое спасибо
ей
за то, что мяла меня!
Наделила мечтой богатой,
опалила ветром сквозным,
не поверила
бабьим картам,
а поверила
ливням грибным!

СЫН ВЕРЫ

Ю. Могилевскому

Я —
сын Веры...
Я давно не писал тебе писем,
Вера Павловна.

Унесли меня ветры,
напевали мне ветры
то нахально,
то грозно,
то жалобно.

Я — сын Веры.
О, как помогла ты мне, мама!
Мама Вера...
Ты меня на вокзалах пустых обнимала,
Мама Вера.
Я —
сын Веры.
Непутевого сына
ждала обратно
мама Вера...
И просила в письмах
писать только правду
мама Вера...
Я —
сын Веры!